

Леопя Александр Владимирович
кандидат философских наук, доцент,
профессор учебного военного центра
Сибирского федерального университета

Особенности субъект-объектных отношений в историческом познании

Аннотация:

В понимании сущности исторического познания важное методологическое значение имеет характер субъект-объектных отношений. В статье центральное место отводится проблеме специфического характера отношений между субъектом и объектом исторического познания, отличию от их отношений в естественнонаучном познании. В историческом познании субъект находится в диалектическом единстве с объектом познания, что, в свою очередь, отражается на характере исторического познания.

Ключевые слова: познающий субъект, объект, историческое познание, наблюдатель, исследователь.

Leopa Aleksandr Vladimirovich

Candidate of Philosophy, Associate Professor

Professor of Military Training Centre of Siberian Federal University

89029192302,

Features of subject and object relations in historical cognition

In understanding of the essence of historical cognition the important methodological meaning has the nature of the subject and object relations.

In the article the focus is on the specific nature of the relationship between subject and object of historical cognition, their difference from the relationship of subject and object in natural scientific knowledge. In the historical knowledge of the

subject is the dialectic unity of the object of cognition, which in turn reflects on the nature of historical cognition.

Keywords: learning the subject, object, historical cognition, observer, researcher.

В естественнонаучном познании сложилась традиция, идущая от эпистемологических концепций Декарта, Бэкона и Канта, согласно которой при исследовании природных явлений для достижения объективности знания субъект познания выносился за рамки исследования, представлялся неким сторонним, абсолютным наблюдателем. И только такой субъект мог постичь универсальную объективную истину о мире.

Если же субъект оказывается включенным в конкретную историческую реальность того или иного периода истории, то он не мог абстрагироваться от нее в процессе познания им объектов. На него постоянно будут влиять определенные осознаваемые или неосознаваемые предрассудки. Такую гносеологическую ситуацию Гадамер оценивает следующим образом: эта «обусловленность означает не принижение исторического познания, но момент истины, если человек не хочет оказаться заложником этой самой обусловленности. Здесь должно считаться как раз “научным” – разрушить фантом истины, оторванной от места нахождения познающего. Именно это является знаком нашей конечности, непрестанно помнить о которой – единственное средство, способное сохранить нас от иллюзий и самообмана. Таким обманом была в свое время наивная вера в объективность исторического метода. Однако то, что вступает на его место, – это не слабый (matte) релятивизм» [1].

До середины XIX в. господствовало убеждение в том, что естественнонаучные законы являются универсальными и незыблемыми. Однако теория относительности А. Эйнштейна и работы по квантовой механике А. Бора радикально изменили эту ситуацию.

В отличие от естественнонаучного исследования, в процессе исторического познания субъект-объектные отношения, складывающиеся между познающим субъектом и предметом познания, носят более сложный и более тесный характер.

В историческом знании «<...> объектом познания становится представленный через текст мир вне и внутри нас (духовный и материальный, природный и социальный), текст является чем-то вспомогательным, опосредующим, но, постигая текст, мы постигаем мир в той мере, в какой он представляет (репрезентирует) мир <...>». [2].

Исходя из такого определения объекта исторического познания, можно заключить, что объект познания носит множество интерпретаций, значений, различных форм текстового анализа (к примеру, структуралистского или постструктуралистского).

Субъект исследования в таком случае предстает лишь как «порождение данного текста» [3].

Субъект в историческом познании неотделим от объекта, он, являясь исследователем исторических фактов, в то же время сам является объектом истории, участвуя в жизни общества.

Такое положение субъекта вытекает из двойственного понимания истории. С одной стороны, под историей понимается процесс становления и развития человеческого общества (объективная история), с другой, под историей понимается наука, изучающая этот процесс (субъективная история).

По мнению Р. Арона, «...действительность и знание об этой действительности неотделимы друг от друга. <...> Осознание прошлого – составная часть исторического существования. Человек действительно имеет прошлое лишь в том случае, если он осознает, что оно у него есть, ибо только это осознание дает возможность диалога и выбора. Иначе говоря, индивиды и общество несут в себе прошлое, которого они не ведают, но воздействию которого пассивно подвергаются. <...> Следовательно, человек одновременно является субъектом и объектом исторического познания» [4].

Однако в философской мысли сложился и иной подход к проблеме исторического субъекта, выводящий субъекта из процесса познания.

Такой подход особенно характерен для структурализма, ставшего одним из методов познания. Исключение субъекта из познавательного процесса явилось закономерным для сторонников структурализма, поскольку они отрицают историю как объективную реальность.

Для структурализма характерным является отождествление мира с текстом. Мир видится им системой знаков, которые соответственно не имеют субъекта и истории.

«Отождествляя мир с текстом <...>, структурализм тем самым растворяет создателя, субъекта мира вообще и субъекта действия в каждом конкретном случае» [5].

Не выделяют границ между субъектом познания и объектом сторонники нового онтологизма, определяя их как элементы «единой сети» [6].

Представление об объекте исследования, рассматриваемого вне всякой связи от субъекта исследования, было поставлено под сомнение в XX в. В работах, появившихся в этот период, субъекту придавались определенные черты, которые оказывали влияние на результаты исследования. В философии и естественнонаучных работах было введено понятие «наблюдатель».

«В этом случае, – пишет Л.А. Маркова, – ученый как бы делегирует ряд своих свойств – полномочий наблюдателю, который помещается в изучаемый мир, становится его элементом» [7].

В широкий оборот вошла также категория «исследователь». Поясняя сущность этого понятия, феноменолог А.Т. Тыменецка отмечает: «Исследователь <...> больше не считается нейтральным наблюдателем «объективных» реальностей; исследователь признается «субъектом», который участвует в акте открытия/творчества со всем своим вкладом живого существа. Одновременно с этим струна творческого акта живого человеческого существа звучит во всей философии жизни и творческого состояния человека. Научное исследование и философия сходятся в своем субъекте, а именно: живом

человеческом существе <...>, приносящем весь вклад своего творческого состояния в осуществление этого акта» [8].

Особенности субъект-объектных отношений также проявляются в том, что субъект, осуществляющий процесс познания, является социально сформированным, связанным с той или иной идеологией, обладающей определенной позицией в обществе. В результате такого положения субъекта, в исследование объекта приносятся определенные ценности и интересы, то есть объект одновременно и познается, и оценивается, нередки случаи, когда познание отодвигается на второй план, приоритет отдается оценочным суждениям. Как следствие этого, зачастую в историческом исследовании интерес сводится к тому, чтобы использовать полученные знания для утверждения существующей политической власти, оправдания её политики. Такой подход не ведет к получению объективного знания, которое можно было бы использовать в интересах развития общества, в интересах социальной практики.

Таким образом, процесс исторического познания здесь обусловлен другими интересами, отличными от интересов естественнонаучного познания. В результате особого характера этого интереса, и содержание исследования, и теоретические выводы, вытекающие из познавательного процесса, в значительной степени детерминированы общественной позицией познающего субъекта.

Исходя из такой особенности исторического познания, ряд исследователей утверждают, что история как наука не обладает способностью объективно исследовать исторический процесс, а ряд исследователей не берутся решать эту якобы заведомо нереальную задачу.

Одним из первых поставил под сомнение объективность исследователя в процессе познания Гадамер. Он признавал рассудок как необходимое и призывал отказаться от убеждения о непредвзятом познании, поскольку оно имплицитно включает предрассудки исследователя. Более того, по его мнению,

на характер познавательного процесса оказывают влияние историческая и культурная идентичность исследователя.

Проективная тенденция человеческого понимания выступает одним из компонентов герменевтического процесса. Исследователь, стремящийся понимать текст, всегда совершает «акт проекции» [9]. По мнению Гадамера, основу жизнедеятельности человека в большей мере формируют его предубеждения, чем рефлексия, теоретические суждения, причем этим предубеждениям Гадамер придавал объективный характер, их зачатки он видел в исторической действительности. Поскольку предубеждения носят объективный характер, Гадамер был убежден в том, что их нельзя исключить из процесса познания, их нужно осознать и учитывать в познавательном процессе. По этому поводу он пишет: «Кто, полагаясь на объективность своих методов и отрицая свою собственную историческую обусловленность, мнит себя свободным от предрассудков, тот испытывает на себе могущество этих предрассудков, господствующих над ним без всякого контроля с его стороны. <...> Дело здесь обстоит так же, как в отношениях между “Я” и “Ты”. Тот, кто путем рефлексии выводит себя из двусторонности этих отношений, изменяет их, разрушая их нравственную обязательность» [10].

Сомнения в объективном характере процесса познания присущи герменевтическому направлению в философии. В исследовании исторического процесса представители этого направления акцентируют внимание на особенностях исторической объективности. По их мнению, эти особенности зависят от лингвистического контекста, который, в свою очередь, передает определенный смысл тем или иным понятиям.

Итак, субъект-объектные отношения в историческом познании носят специфический характер. Субъект и объект в историческом познании находятся в тесной связи и взаимодействии. Сам субъект в то же время является и объектом познания.

Ссылки:

1. Гадамер Х.-Г. Истина в науках о духе // Топос. 2000. № 1. С. 97.
2. Микешина Л.А. Трансцендентальные измерения гуманитарного знания // Вопросы философии. 2006. № 1. С. 91.
3. Там же.
4. Арон Р. Измерения исторического сознания: изд-е 2-е / пер. с фр. М., 2010. С. 4.
5. Кутырев В.А. Апология человеческого (предпосылки и контуры консервативного философствования) // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 64.
6. Знание в современной культуре (материалы «Круглого стола») // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 15.
7. Маркова Л.А. Субъект как наблюдатель // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 86.
8. Тыменецка А. Феноменология отвечает на вызов прагматической проверки: мера // Вопросы философии. 2005. С. 149.
9. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. С. 236.
10. Там же. С. 424.